

— Держи, Лян. Последняя модель плеера, тебе подарок, — Хань Дун с глухим стуком опустил коробку на стол.

Лян Цинь на мгновение опешил.

— Это... мне на день рождения?

— А на что ещё? — хмыкнул Хань Дун.

Лян Цинь неловко почесал затылок.

— Наверное, дорогой...

— Мы же кореша, не забивай голову всякой чушью, — отрезал Хань Дун.

Вообще-то он поначалу хотел подарить другу мотоцикл, но Су Цзинь вовремя его отговорил. Сказал, что Лян Цинь такой подарок не примет, а слишком дорогая вещь только заставит его чувствовать себя не в своей тарелке.

— Тогда спасибо тебе, Третий брат, — Лян Цинь бережно, почти благоговейно коснулся глянцевого бока плеера.

Хань Дун лишь криво усмехнулся, пряча за грубоватостью довольство.

— Завязывай с расшаркиваниями.

— А вот это мы с Сяо Мо выбирали специально для тебя, — Су Цзинь протянул увесистый пакет.

Лян Цинь заглянул внутрь: там лежали два комплекта зимней одежды. Один — на взрослого, другой — поменьше, для Сяоюя.

— Зима на носу, всё равно пришлось бы покупать ватники. А так — одной заботой меньше. С размером точно угадали, я на себя примерял, — Су Цзинь весело подмигнул другу.

Лян Цинь почувствовал, как к горлу подкатил комок. Он шумно сглотнул и, скрывая нахлынувшие чувства, проворчал:

— Чёрт, а я-то думал, там что-то стоящее.

— В любом случае, выбирал Сяо Мо, — добавил Су Цзинь.

Лян Цинь обернулся к Су Мо и широко, искренне улыбнулся:

— Спасибо тебе, Сяо Мо. Сяююй, поблагодари братика.

— Спасибо, братик Су! — послушно прозвенел малыш.

Чжу Минь, бросив осторожный взгляд на Хань Дуна, тоже протянула пакет. Внутри оказался полный набор пособий для подготовки к выпускным экзаменам в старшей школе.

— Это материалы моего двоюродного брата. Он сам делал все пометки и выделял самое важное. Сейчас он учится в университете города Си. Думаю, тебе это очень пригодится.

Су Цзинь немного смутился — всё-таки они были едва знакомы.

— Ох, спасибо большое.

— Не за что. На самом деле, это я должна вас поблагодарить за то, что вы так заботитесь о Сяо Мо, — Чжу Минь лучезарно улыбнулась, и на её щеках проступили глубокие ямочки.

Лян Цинь и Су Цзинь переглянулись. «За что она благодарит? И почему это звучит так... странно?»

Для Лян Циня это был самый счастливый вечер за долгое время. Парни изрядно выпили, особенно сам именинник — его лицо покраснелось, а глаза блестели.

Пока мужчины разливали по новой, Чжу Минь наклонилась к самому уху Су Мо и прошептала:

— Сяо Мо, мне кажется, у вас с Хань Дуном самые обычные отношения. Может, ты себе напридумывал лишнего?

Су Мо пригласил Чжу Минь не просто так. Ему нужен был взгляд со стороны — кто-то, кто оценит поведение Хань Дуна. В последнее время его не покидало странное ощущение, будто он Хань Дуну безразличен.

Иначе зачем тому постоянно его задирать? Зачем выделять среди остальных и смотреть с такой... щемящей нежностью?

«Правда? Неужели я и впрямь всё вообразил?» — быстро набросал он в блокноте.

— Может, я чего-то не разглядела?

«Скорее всего, я просто принимаю желаемое за действительное», — Су Мо мельком глянул на Хань Дуна, который как раз затягивался сигаретой, и поджал губы.

Наверное, безответная влюбленность лишает способности здраво рассуждать. Начинает казаться, что каждый случайный взгляд — это признание, хотя на самом деле это лишь игры твоего собственного воображения.

В конце концов, брат тоже о нём заботится, но это ведь совсем другое.

— Не спеши, я ещё понаблюдаю, — Чжу Минь шептала так близко, что почти касалась его щеки. — Но если честно, Хань Дун чертовски хорош собой. Может, он просто привык так вести себя? Знаешь, есть такие типы — они флиртуют направо и налево, заставляют верить в симпатию, а сами через минуту забывают, что наговорили. Чистый азарт, и ничего больше.

Хань Дун курил. Сквозь сизую дымку он не сводил полуприщуренных глаз с этой парочки, что так интимно ворковала в углу.

— Третий брат, ты чего завис? Пей давай! — Лян Цинь снова наполнил его стакан.

Хань Дун дерзко, по-хозяйски усмехнулся:

— Слушай, Лян, а погнали в караоке?

— Зачем это? — вклинился Су Цзинь.

— У тебя что, дырка в голове? — Хань Дун скосил на него глаза. — Понятно зачем — петь.

— Мы-то пойдём, а Сяо Мо? Он ведь не сможет... — Лян Цинь не договорил, боясь, что друг услышит.

— А кто сказал, что немому нельзя в караоке? — Хань Дун не просто ответил, он намеренно повысил голос, чтобы те двое его услышали.

В комнате воцарилась гробовая тишина.

Су Мо мгновенно побледнел. Он растерянно моргнул, чувствуя, как внутри всё сжалось. Слово «немой» само по себе было колючим и злым, но из уст Хань Дуна оно ударило больнее хлыста. Прямо в сердце.

— Хань Дун, ты, мать твою, что несёшь?! — первым взорвался Су Цзинь. Видеть искажённое болью лицо брата было выше его сил.

Хань Дун заметил, что Су Мо на него больше не смотрит, а его бледность стала почти мертвенной. Поняв, что ляпнул лишнего, он в сердцах ругнулся про себя, резко отбросил волосы со лба и поднялся.

— Виноват. Кажется, я перебрал, — бросил он и вышел из кабинета.

Су Цзинь бросился следом. Он догнал его уже на улице, у машины. Хань Дун стоял, прислонившись к капоту, и остервенело курил.

— Дун-цзы, что с тобой? Ты же сам мне втирал, чтобы я не считал Сяо Мо инвалидом! Как ты мог сегодня ляпнуть такое? Ты хоть понимаешь, как ему сейчас паршиво?

Хань Дун выпустил густую струю дыма, глядя на тусклый, одинокий свет фонаря.

— Кореш, есть вещи, которые тебе не понять.

— Что я не пойму? Говори как есть, мы же друзья! — Су Цзинь встал рядом, подпирая машину.

Хань Дун промолчал, продолжая курить одну за другой. Су Цзиню впервые стало не по себе — от Хань Дуна так и веяло одиночеством и какой-то глухой тоской, будто на душе у него лежал неподъёмный камень.

— Сяо Мо, ты почему вышел? — Су Цзинь натянуто улыбнулся, увидев брата на пороге ресторана.

Хань Дун вскинул голову и встретился взглядом с Су Мо. Тот в смятении отвёл глаза и, схватив Чжу Минь за руку, потащил её прочь, обходя Су Цзиня стороной.

— Ты домой? — обеспокоенно крикнул Су Цзинь.

Жёлтый свет фонарей окутывал улицу. Не успел Су Мо сделать и нескольких шагов, как кто-то железной хваткой вцепился в его запястье. Рывок был таким сильным, что Сяо Мо пришлось выпустить руку Чжу Минь, и его буквально поволокли за собой.

— Сяо Мо! — испуганно вскрикнула девушка.

— Никому, блять, не идти за нами! — рыкнул Хань Дун, затаскивая Су Мо в тёмный, безлюдный переулок за поворотом.

Запястье ныло от боли. Су Мо попытался вырваться, но Хань Дун с силой прижал его к стене. Лицо Хань Дуна оказалось совсем рядом — Су Мо чувствовал терпкий запах табака и спиртного.

— Красавчик, прости меня. Пожалуйста, прости. Я не должен был так говорить, — Хань Дун мёртвой хваткой вцепился в его плечи. В его взгляде плескалось отчаяние, голос дрожал от напряжения. — Я не со зла, правда... Только не отворачивайся от меня.

Су Мо сжал губы и демонстративно отвернулся. Хань Дун видел, как тому горько, и готов был проклясть себя на месте.

— Я перепил. Малыш, прости, я дурак, я ошибся, — прошептал он, почти умоляя.

От этого нежного «малыш» у Су Мо защипало в носу, а к горлу подступили слёзы обиды. Разве он сам не хотел бы говорить? Разве он выбирал долю немого? Хань Дун был тем, кто заставлял его чувствовать себя нормальным, и он же нанёс самый глубокий удар.

Видя, как парень изо всех сил сдерживается, Хань Дун не выдержал и притянул его к себе, крепко прижав к груди.

— Прости меня... Прости... Прости... — шептал он снова и снова.

Его объятия — тёплые, надёжные — были тем, о чём Су Мо втайне мечтал. Он долго колебался, его рука замерла за спиной Хань Дуна, но в последний момент, так и не решившись обнять в ответ, он бессильно опустил её.

«Не смей, Су Мо. Не смей поддаваться.»

«Это его обычная манера общения. Для него это просто слово, а не признание. Он обнимает тебя, чтобы утешить, а не потому, что любит.»

«Не будь дураком. Два мужчины... Это невозможно. Просто невозможно...»

— Обещай, что не примешь мои слова близко к сердцу, — Хань Дун до смерти боялся, что Су Мо снова начнёт его избегать. Какая же он скотина, как он мог так сглупить!

Су Мо шумно сглотнул и изо всей силы ущипнул Хань Дуна за бок. Тот поморщился от боли, но не отстранился, стиснув зубы.

Он понимал: если щипает — значит, прощает.

— Ну всё, проехали? — Хань Дун отпустил его, заглядывая в глаза. — Погнали в караоке, я тебя развлекаю. Сам буду петь для тебя, клянусь.

— Умеют же бабники зубы заговаривать, — горько подумал Су Мо, но всё же пошёл за ним.

У ресторана их ждали остальные. Сяюй уже мирно посапывал на спине у Лян Циня. Заметив, что Су Мо немного отошёл, друзья облегчённо выдохнули — гроза миновала.

— Третий брат, мы тут уже заждались, — подал голос Лян Цинь.

— Да куда вы без меня денетесь, — Хань Дун широким шагом направился к входу.

— Всё в порядке? — тихо спросил Су Цзинь.

Су Мо кивнул.

«Мне просто было неприятно это слышать. Но он извинился».

— Вот и славно. Дун-цзы и впрямь перебрал, у него глаза красные были, — оправдал друга Су Цзинь.

«Сяюй совсем спит, надо поскорее отвезти его домой».

— Сейчас, дождёмся Третьего брата, — отозвался Лян Цинь.

— Уже девятый час, поздно. Я, пожалуй, пойду, — засобиралась Чжу Минь.

Лян Цинь тут же замахал руками:

— Оставайся! Куда ты в такую темень одна?

— С моим-то телосложением? Да я сама кого хочешь напугаю, — усмехнулась девушка.

От этих слов стало немного грустно. Су Цзинь мягко добавил:

— Иди к нам переночуешь, а утром поедешь. Так безопаснее.

Су Мо коснулся её локтя и жестами показал: «Пошли ко мне».

— Сяо Мо зовёт к себе домой, — перевёл Су Цзинь.

Видя их искреннее радушие, Чжу Минь кивнула и доверчиво взяла Су Мо под руку.

— Знаете, — просияла она, — меня впервые в жизни кто-то пригласил в гости и просил остаться. В школе со мной никто не хотел водиться, все только дразнили «жирной коровой». Сяо Мо самый лучший, он никогда на меня косо не смотрел.

Теперь Су Цзинь и Лян Цинь окончательно поняли, почему эти двое так сблизились. Они давали друг другу то, чего им не хватало: уверенность, тепло и возможность просто быть собой.

Су Мо ободряюще улыбнулся подруге. Тут из ресторана вышел Хань Дун.

— Погнали, — скомандовал он. — Завезём Сяоюя в Заводской жилой комплекс, и я везу всех в караоке.

— А там поют? Я слышала, в таких местах творится всякое... — засомневалась Чжу Минь.

Хань Дун посмотрел на неё с ледяной пронзительностью:

— Можешь не ехать.

Он сел в машину, а Чжу Минь шепнула Су Мо:

— Почему он меня так терпеть не может?

Машина взяла курс на заводской жилой комплекс.

— Скоро у Сяо Мо день рождения, — заговорил в пути Су Цзинь. — В этом году мы решили устроить настоящий праздник. Раньше как было: просто хороший ужин, даже торта ни разу не покупали.

Лян Цинь вздохнул:

— Да у кого не так? Семьи бедные, какие там торты... Поэтому я сегодня так тронут. Для меня этот день — целое событие. Спасибо вам и Третьему брату.

— Снова ты за своё. Терпеть не могу эти «спасибо», — бросил Хань Дун, не отрываясь от дороги. — День рождения Сяо Мо тоже на мне.

Не дав Су Мо возразить, Су Цзинь поспешил вставить:

— Дун-цзы, не стоит, правда. Просто приходи.

Он уже несколько месяцев откладывал карманные деньги, мечтая в день рождения отвезти брата в большой город и устроить ему роскошный пир с морепродуктами.

— Помню, Сяо Мо в детстве обожал фейерверки, — с улыбкой вспомнил Лян Цинь. — На каждый Новый год он таскал нас по улицам, искал, где запускают салюты. Возвращались все в соплях, а тётушка Моли ругала нас и поила горячим бульоном.

Су Мо невольно улыбнулся своим мыслям. В свете уличных фонарей он казался ещё более утончённым и красивым. Хань Дун мельком взглянул на него в зеркало заднего вида и сглотнул.

— А ведь и правда, — подхватил Су Цзинь, — Сяо Мо тогда был таким егозой. Смеялся постоянно, загляденье просто. А как злился, губы надувал — умора! Лян, помнишь, как снеговика лепили? Сяо Мо достроил, а ты его ногой разворотил. Знали бы вы, что потом было! Сяо Мо его так отделал, а ночью ещё и привидением прикинулся, чтобы напугать. С тех пор Лян его за версту обходит.

Лян Цинь расхохотался:

— Ха-ха! И не напоминай! Я тогда так струхнул, чуть душу не вытряс. До сих пор его побаиваюсь, мстительный он малый.

— Сяо Мо и вправду был таким сорванцом? — удивилась Чжу Минь.

— О да, шепутной был и смешливый... — Су Цзинь едва заметно вздохнул.

Если бы не тот случай в переулке, когда Сяо Мо окружили и начали травить, он бы не стал таким замкнутым и равнодушным ко всему миру.

— Дун-цзы, — вдруг спросил Лян Цинь, — а ты в детстве видел Сяо Мо?

Су Мо резко вскинул голову, глядя на Хань Дуна. Если тот мальчик из воспоминаний был им... узнает ли он его сейчас?